

ВРЕМЯ И МЕСТО

Лебединая примадонна

Исполняется 125 лет со дня рождения балерины Анны Павловой

Майя Крылова

Если устроить заочный рейтинг великих балерин двадцатого века, кандидаток будет предостаточно. В этом списке Уланова станет соперничать с Плисецкой, а Кшесинская – дышать им обеим в спину. Впрочем, в каждой стране перечень будет сильно различаться. Англичане непременно впишут в него Марго Фонтейн, французы не забудут Сильви Гиллем, американцы не смогут обойтись без Сьюзен Фаррел. Но в одном пункте все списки совпадут. Одно имя знают жители всех государств, где вообще есть балет, и даже тех стран, где его нет. Потому что это имя – Анна Павлова.

«Приготовьте мой костюм Лебедя»

По легенде, это была предсмертная фраза Павловой, когда она в 1931 году скончалась в Гааге. Балетный Лебедь стал ее творческим счастьем – и одновременно проклятием: с какого-то момента без «лебединого» антуража Павлова уже не воспринималась. Ее английский особняк Айви-Хаус встречал гостей прудом с лебедями – им подрезали крылья, чтоб не могли улететь. С лебедями балерина любила фотографироваться. Известен ее снимок, где фотограф обыграл действительное сходство – изгиб лебединой шеи и гибкость женской балетной фигуры.

Все началось в 1907 году, когда Павлова заказала петербургскому балетмейстеру Михаилу Фокину номер для благотворительного вечера. Музыкант-любитель, Фокин играл на мандолине и как раз тогда разучивал музыку Сен-Санса из «Карнавала животных». Впоследствии Фокин уверял, что номер он создал за несколько минут. «Это была почти импровизация. Я танцевал впереди, Павлова за мной. Потом танцевала она, а я ходил рядом и немного мям ей

Такой Анну Павлову увидел Лев Бакст.

Из книги «Светочи русской культуры XVIII–XX веков в изобразительном искусстве»

руки, поправляя детали поз». Так родились знаменитые 130 секунд танца. Павлова вышла на сцену в традиционной «пачке» белого цвета, отороченной лебяжьим пухом. Ее птица плыла по сцене в умиротворяющем покое. Тогда к названию «Лебедь» еще не приклеился ярлык «умирающий». Это случилось

позже, когда Павлова, а вслед за ней и другие танцовщицы привнесли в танец мотивы безвременной гибели, а на груди Лебедя заплыл припиленный к костюму камень цвета крови.

Госпожа Павлова 2-я

Так ее называли в ведомостях Мариинки, где она служила,

и в газетных рецензиях. Это чтобы отличить Анну от однофамилицы, которая тоже трудилась в Императорском театре. Впрочем, балетоманы быстро научились отличать, кто на самом деле первый. Ее изумительно красивой лепки ноги поразили знатоков сразу, но смущала редкая худоба: в моде были балерины-пышки. Но время балерины Павловой уже было на подходе. И знаменитый плакат Валентина Серова – Павлова в арабеске – не просто так стал символом классического танца. Он запечатлел смену предпочтений, произошедшую в искусстве на рубеже веков. И спасибо модерну с его увлечением хрупкой, невесомой изломанностью линий: кто знает, как сложилась бы судьба тростиночки Павловой, появившись она на сцене двумя десятилетиями ранее...

Анна Матвеевна Павлова – внебрачное дитя питерской прачки и богатого столичного

Индии и дочерью фараона в Древнем Египте. Российские достижения закрепил успех в европейских «Русских сезонах» Сергея Дягилева. Ревность Павловой к успеху любимца Дягилева, Вацлава Нижинского, стала главной причиной, по которой балерина бросила успешный проект и ушла из дягилевской балетной антрепризы. А заодно покинула и Мариинку, внеся в дирекцию императорских театров громадную неустойку за нарушение контракта. Так начались ангажементы Павловой – годы сольной «каторги в цветах» по всему миру.

Великолепный чёс

Неуравновешенная в жизни, на сцене Павлова демонстрировала железную волю. Она могла танцевать где угодно, оттого ее выступления проходили и на лучших сценах мира, и в условиях, при которых хороший хозяин не выведет гулять собаку. Но Павлову это не смущало. Пожалуй, она первой из балерин поняла, что талантом и творчеством можно не только гордиться, подниматься с ними в эмпиреи, но и воспринимать практически – работать, как лошадка, и прилично зарабатывать.

То, что много лет делала Павлова, на современном языке называется «гастрольный чёс». Биографы с благоговейным ужасом описывают, как Павлова работала в мюзик-холле после костюмированных собачек и перед дрессированными «герлс» или танцевала в наскоро приспособленных для танцев австралийских сараях для стрижки овец. И так двадцать лет. По восемь-девять спектаклей в неделю. Без сна и отдыха. Павловой было легче танцевать в таких местах, ездить в Мексику или Индию, где слыхом не слышали о балете, но при этом быть хозяйкой собственной судьбы.

Она просто делала свое дело. Но в результате перекроила грядущую историю искусств. Многие крупные балетмейстеры и танцовщики прошлого столетия пришли в профессию только оттого, что в их захолустье приезжала с гастрольями Павлова, открыв необразованным провинциалам колдовской магнетизм танца.

Деспотизм на пуантах

Она придумала себе особый стиль одежды – многослойные тонкие покрывала, которыми обматывала тело. В быту была деспотична. Девушек своей труппы заставляла заниматься самообразованием в моменты долгих переездов с одного континента на другой. И в поездках

многие годы терпеливо сносил легендарные истерики примадонны, а после смерти жены написал о ней воспоминания.

Мучила ли ее ностальгия? Вряд ли. Павлова уехала из России задолго до семнадцатого года. Ее всегда манили странствия и вольные хлеба. А тоску по ро-

сентиментальной. И трудно осознать, что эта не очень-то броская по меркам сегодняшнего дня танцовщица приводила публику всего мира в телачий восторг и во многом определила развитие женского классического танца. Но если внимательно взглянуть, возникает ощу-

изнутри. Но то, что она делала, было бы невозможно даже для самого мускулистого атлета без ее сверхъестественной нервной силы. <...> Ее энергия была неиссякаемой энергией гения». Считается, что Павлова привнесла в старые балеты XIX столетия новые смыслы века XX. Например, психологизм. Или то понимание танца, что воспевали новейшие писания модного философа Ницше: «Все тяжелое должно стать легким, всякое тело – пляшущим, всякий дух – птицей; поистине это есть мой альфа и омега».

После Павловой балерина перестала восприниматься как движущееся устройство для эротических томлений, созданное для демонстрации красивых ножек, достойного бюста, осиной талии и кокетливых манер. Павлова привнесла в развлекательное искусство невиданную глубину трактовок. И трансформация знаменитого Лебедя от милой имитации птичьих повадок до экзистенциальной трагедии – тому вечное доказательство.

Лебединая примадонна

Исполняется 125 лет со дня рождения балерины Анны Павловой

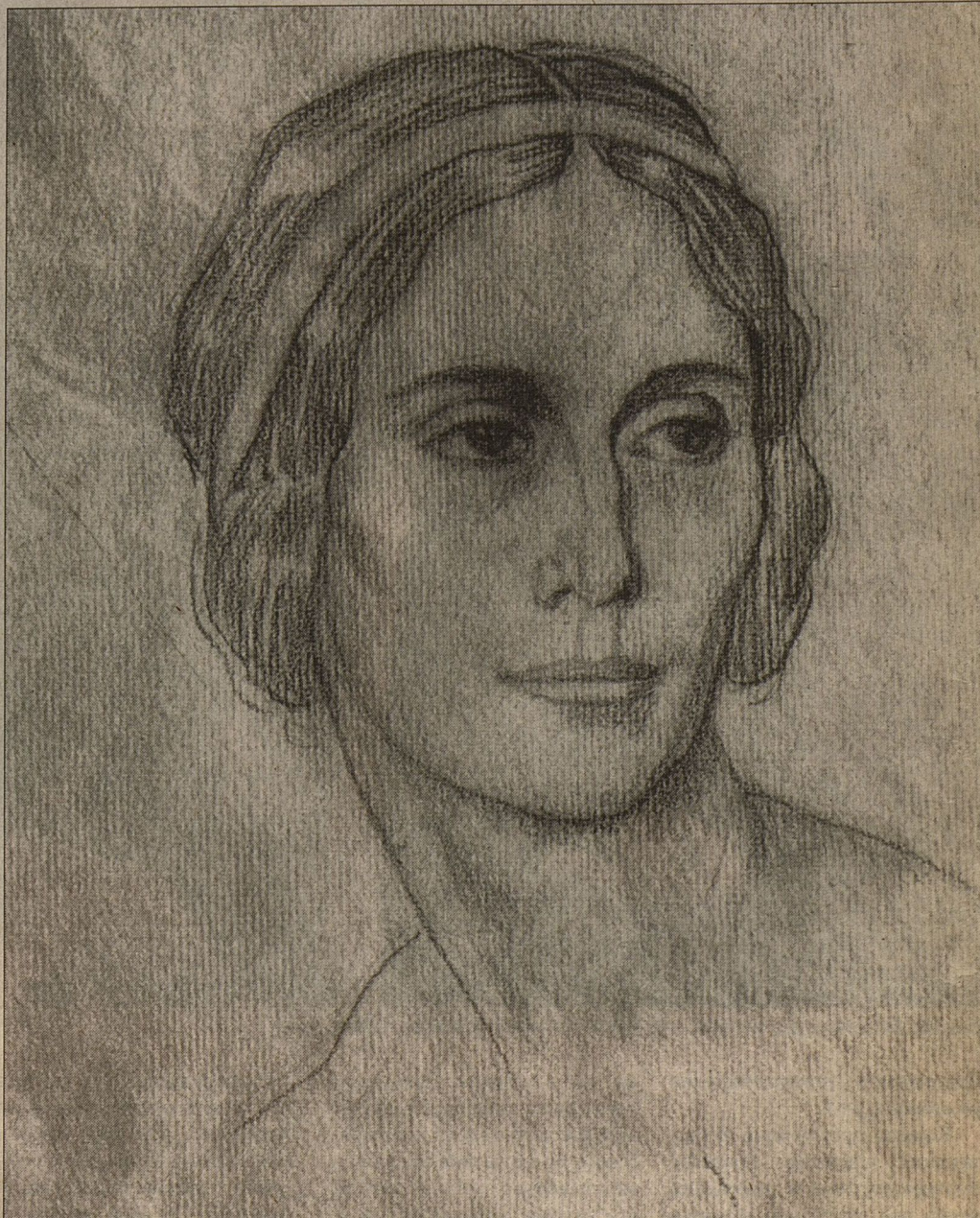
Майя Крылова

Если устроить заочный рейтинг великих балерин двадцатого века, кандидатом будет предостаточно. В этом списке Уланова станет соперничать с Плисецкой, а Кшесинская – дышать им обеим в спину. Впрочем, в каждой стране перечень будет сильно различаться. Англичане непременно впишут в него Марго Фонтейн, французы не забудут Сильви Гиллем, американцы не смогут обойтись без Сьюзен Фаррел. Но в одном пункте все списки совпадут. Одно имя знают жители всех государств, где вообще есть балет, и даже тех стран, где его нет. Потому что это имя – Анна Павлова.

«Приготовьте мой костюм Лебеда»

По легенде, это была предсмертная фраза Павловой, когда она в 1931 году скончалась в Гааге. Балетный Лебедь стал ее творческим счастьем – и одновременно проклятием: с какого-то момента без «лебединого» антуража Павлова уже не воспринималась. Ее английский особняк Айви-Хаус встречал гостей прудом с лебедями – им подрезали крылья, чтоб не могли улететь. С лебедями балерина любила фотографироваться. Известен ее снимок, где фотограф обыграл действительное сходство – изгиб лебединой шеи и гибкость женской балетной фигуры.

Все началось в 1907 году, когда Павлова заказала петербургскому балетмейстеру Михаилу Фокину номер для благотворительного вечера. Музыкант-любитель, Фокин играл на мандолине и как раз тогда разучивал музыку Сен-Санса из «Карнавала животных». Впоследствии Фокин уверял, что номер он создал за несколько минут. «Это была почти импровизация. Я танцевал впереди, Павлова за мной. Потом танцевала она, а я ходил рядом и немного мям ей

Такой Анну Павлову увидел Лев Бакст.

Из книги «Светочи русской культуры XVIII–XX веков в изобразительном искусстве»

руки, поправляя детали поз». Так родились знаменитые 130 секунд танца. Павлова вышла на сцену в традиционной «пачке» белого цвета, отороченной лебяжьим пухом. Ее птица плыла по сцене в умиротворяющем покое. Тогда к названию «Лебедь» еще не приклеился ярлык «умирающий». Это случилось

позже, когда Павлова, а вслед за ней и другие танцовщицы привнесли в танец мотивы безвременной гибели, а на груди Лебедя запыхал прищипленный к костюму камень цвета крови.

Госпожа Павлова 2-я

Так ее называли в ведомостях Мариинки, где она служила,

и в газетных рецензиях. Это чтобы отличить Анну от однофамилицы, которая тоже трудилась в Императорском театре. Впрочем, балетоманы быстро научились отличать, кто на самом деле первый. Ее изумительно красивой лепки ноги поразили знатоков сразу, но смущала редкая худоба: в моде были балерины-пышки. Но время балерин склада Павловой уже было на подходе. И знаменитый плакат Валентина Серова – Павлова в арабеске – не просто так стал символом классического танца. Он запечатлел смену предпочтений, произошедшую в искусстве на рубеже веков. И спасибо модерну с его увлечением хрупкой, невесомой изломанностью линий: кто знает, как сложилась бы судьба тростиночки Павловой, появившись она на сцене двумя десятилетиями ранее...

Анна Матвеевна Павлова – внебрачное дитя питерской прачки и богатого столичного финансиста Лазаря Полякова (на снимках Павловой видны ее большие еврейские глаза). Девочка, родившаяся 31 января 1881 года, в метрике прикрыта флером законного брака: отцом ребенка числится супруг матери, «запасной рядовой» Матвей Павлов. Анну отдали в казенную школу учиться балету. Потом была удачная карьера в Мариинском театре: она танцевала «Жизель» и «Дон Кихот», была храмовой баядеркой в Древней

Индии и дочерью фараона в Древнем Египте. Российские достижения закрепил успех в европейских «Русских сезонах» Сергея Дягилева. Ревность Павловой к успеху любимца Дягилева, Вацлава Нижинского, стала главной причиной, по которой балерина бросила успешный проект и ушла из дягилевской балетной антрепризы. А заодно покинула и Мариинку, внеся в дирекцию императорских театров громадную неустойку за нарушение контракта. Так начались ангажементы Павловой – годы сольной «каторги в цветах» по всему миру.

Великолепный чёс

Неуравновешенная в жизни, на сцене Павлова демонстрировала железную волю. Она могла танцевать где угодно, оттого ее выступления проходили и на лучших сценах мира, и в условиях, при которых хороший хозяин не выведет гулять собаку. Но Павлову это не смущало. Пожалуй, она первой из балерин поняла, что талантом и творчеством можно не только гордиться, подниматься с ними в эмпиреи, но и воспринимать практически – работать, как лошадка, и прилично зарабатывать.

То, что много лет делала Павлова, на современном языке называется «гастрольный чёс». Биографы с благоговейным ужасом описывают, как Павлова работала в мюзик-холле после костюмированных собачек и перед дрессированными «герлс» или танцевала в наскоро приспособленных для танцев австралийских сараях для стрижки овец. И так двадцать лет. По восемь-девять спектаклей в неделю. Без сна и отдыха. Павловой было легче танцевать в таких местах, ездить в Мексику или Индию, где слыхом не слышали о балете, но при этом быть хозяйкой собственной судьбы.

Она просто делала свое дело. Но в результате перекроила грядущую историю искусств. Многие крупные балетмейстеры и танцовщики прошлого столетия пришли в профессию только оттого, что в их захолустье приезжала с гастрольями Павлова, открыв необразованным провинциалам колдовской магнетизм танца.

Деспотизм на пуантах

Она придумала себе особый стиль одежды – многослойные тонкие покрывала, которыми обматывала тело. В быту была деспотична. Девушек своей труппы заставляла заниматься самообразованием в моменты долгих переездов с одного континента на другой. И в поездах можно было видеть, как мадам крадется по вагону, заглядывая в книги, лежащие на коленях подопечных, а наученные горьким опытом девицы, завидя грозную хозяйку, прикрывают заготовленным томиком Толстого модный журнал. Павлова повелевала мужем (он же – менеджер ее компании) Виктором Дандре, бывшим петербургским дельцом, в свое время арестованным в Петербурге за растрату казенных денег. Дандре

многие годы терпеливо сносил легендарные истерики примадонны, а после смерти жены написал о ней воспоминания.

Мучила ли ее ностальгия? Вряд ли. Павлова уехала из России задолго до семнадцатого года. Ее всегда манили странствия и вольные хлеба. А тоску по ро-

сентиментальной. И трудно осознать, что эта не очень-то броская по меркам сегодняшнего дня танцовщица приводила публику всего мира в телячий восторг и во многом определила развитие женского классического танца. Но если внимательно взглядеться, возникает ощу-

изнутри. Но то, что она делала, было бы невозможно даже для самого мускулистого атлета без ее сверхъестественной нервной силы. <...> Ее энергия была неистощимой энергией гения». Считается, что Павлова привнесла в старые балеты XIX столетия новые смыслы века XX. Например, психологизм. Или то понимание танца, что воспевали новейшие писания модного философа Ницше: «Все тяжелое должно стать легким, всякое тело – плясуном, всякий дух – птицей; поистине это есть мой альфа и омега».

После Павловой балерина перестала восприниматься как движущееся устройство для эротических томлений, созданное для демонстрации красивых ножек, достойного бюста, осиной талии и кокетливых манер. Павлова привнесла в развлекательное искусство невиданную глубину трактовок. И трансформация знаменитого Лебедя от милой имитации птичьих повадок до экзистенциальной трагедии – тому вечное доказательство. ■

После Павловой балерина перестала восприниматься как движущееся устройство для эротических томлений

дине гражданка мира утоляла с помощью борща и каши, поданных русской прислугой в английском доме.

Если сегодня смотреть ее танец на некачественной немой киноленте (других нет) – возникает двойственное ощущение. Ее техника кажется примитивной, а манера держаться –

щение «особости» ее движений (иначе не скажешь). Может быть, все дело в том, что подметил в Павловой дирижер ее труппы? «Она была эмоционально организована, судьбой организована для ритмического самовыражения. Она была подбодна динамо: постоянно отдавая энергию, возобновляла ее

Анна Павлова и Михаил Мордкин прославили русский балет за рубежом.

Фото из книги «Русский балет и его звезды»

А так выглядела Одетта в исполнении Анны Павловой.

Фото из книги «Русский балет»